

Александр
Гиневский

ГЕРОСТРАТОВА
СЛАВА,

или

**ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ
БЮРОКРАТИЗМ**

Сборник
задушевных
инструкций
и головотяпских
историй,
пересыпанных
фразами для
служебного
пользования
времен
60—70-х годов,
перемежаемых
картинками
из жизни
уходящей
эпохи
казённого
идиотизма

Александр Гиневский

**Геростратова слава, или
Занимательный бюрократизм**

«Геликон Плюс»

2018

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гиневский А. М.

Геростратова слава, или Занимательный бюрократизм /
А. М. Гиневский — «Геликон Плюс», 2018

ISBN 978-5-00098-177-1

Книга рассказов «о времени ушедшем», о 60–70-х годах. Рассказы о жизни простых людей с обычными житейскими заботами и со своими «тараканами в головах». Однако герои рассказов своими поступками вызывают не только ухмылку: «Так тебе, дураку, и надо...», но и сочувствие, сострадание по той причине, что поступки эти предельно искренни, с акцентом на элемент нравственности...

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-177-1

© Гиневский А. М., 2018
© Геликон Плюс, 2018

Содержание

Сопроводительная инструкция по пользованию сборником	6
Филантропия	7
Письмо в деревню	8
Для практики	10
Инструкция по посещению зоопарка	13
Штаны	14
Письмо брату	16
Как познакомиться с интересной девушкой	17
1. Фразы для служебного пользования	18
Наша эра	19
Утюг	21
Как вести умную и содержательную беседу	23
Павильон «У»	24
«Суневир», или Наши нравы	25
Инструкция по воспитанию детей в процессе выполнения родительских функций	27
2. Фразы для служебного пользования	29
Жара	30
Лекционы-моционы	32
Инструкция по выгуливанию домашних животных	33
3. Фразы для служебного пользования	34
Пассажир с собакой	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Гиневский

Геростратова слава, или

Занимательный бюрократизм

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Правительства Санкт-Петербурга

Издание Санкт-Петербургской общественной организации «Союз писателей Санкт-Петербурга»

© Гиневский А., текст, 2018.

© «Геликон Плюс», макет, 2018

* * *

– Вы, я вижу, не спешите на тот свет.

– Что, заметно?

– По тому, как пытаетесь не материться, а посмеиваться.

– Посмеиваться – громко сказано. А вообще, улыбка делает человека богаче.

– Думаете? На что богаче, если не на кусок хлеба или медяк в шапке?

– Ну хотя бы на камешек с души...

– Всего-то...

– Что поделаешь. Пустое дело у Судьбы отнимать Иронию.

(Из разговора двух интеллигентов, затурканных нелепостями бытия своего времени)

Сборник задушевных инструкций и головоляпских историй, пересыпанных фразами для служебного пользования времён 60–70-х годов, перемежаемых картинками из жизни уходящей эпохи казённого идиотизма

Сопроводительная инструкция по пользованию сборником

Уважаемые Дамы и Господа!

Вам предлагается данный сборник инструкций и головотяпских историй, пересыпанных фразами для служебного пользования.

Жизнь, как известно, штука чреватая... Чем только она не чревата! Помочь вам застраховаться от её чреватостей и призван этот сборник. Он преследует далеко идущую ясную цель: обеспечить любого желающего инструкциями на все случаи жизни. Обеспечить тех, кто хотя бы из любопытства намерен жить дальше.

Предлагаемые регламентирующие пособия охватывают широкий диапазон проблем сегодняшнего дня. Скажем, вас интересует вопрос как повысить яйценосность заварного чайника на 1,7 %. Казалось бы, оглавление не говорит ничего конкретного по этому поводу. Но вы будете тысячу раз правы, решив, что «Инструкция по посещению зоопарка» и есть ответ на интересующий вас вопрос, ибо, как известно, покупатель всегда прав.

Разумеется, ряд малозначительных житейских ситуаций не получил соответствующего освещения. Можете быть уверены, это те ситуации, в которых вы, дорогая (гой) инструктируемая (мый), не окажетесь.

Не исключено, что обилие предлагаемых инструкций, пусть и жизненно необходимых каждому, всё-таки несёт на себе отпечаток унылой казёнщины и шинельного однообразия. Потому задушевные инструкции переключаются (по принципу гамбургера) головотяпскими историями. По причине дефицитности натурального перца полученное блюдо пересыпается фразами для служебного пользования.

Предвидим ваше огорчение и недовольство сим авторским произволом гастрономического порядка. Что ж, и автор, как видите, не избег навязчивости мыслей-помыслов. Так что не спешите отбрасывать блюдо в сторону. А тем более отказываться от его употребления.

Минута-другая терпения, и вы убедитесь, что все эти истории и фразы по сути не что иное, как милый вашему сердцу инструктаж. Суровый в своей необходимости, словно параграф Устава караульной службы.

Автор, со своей стороны, старался лишь подать его (блюдо) в достойной сервировке.

Рекомендуем наиболее важные для вас инструкции или фразы переписывать в деловую тетрадь еженедельных доходов.

Без особых хлопот сборник может быть освоен начиная с последней страницы. Или же с середины. Правда, в последнем случае вы будете вынуждены двигаться к началу или концу сборника и, таким образом, весьма скоро достигнете обложки. Что ж, высоких вам достижений!

Хочется надеяться, что предлагаемый фолиант поможет вам в какой-то мере построить хоть часть своей жизни грамотно и строго на научной основе (в соответствии с нашими указаниями). Если же с его помощью вам доведётся ещё и на минуту-другую отвязаться от навязчивых мыслей-помыслов, то автор берет на себя смелость считать, что задачу перед собой он поставил важную. И, может быть, своевременно.

Филантропия

Это случилось на Большом проспекте Петроградской стороны. В час пик.

Меня обтекала толпа, густая, как сельдяной косяк. «Сейнера на вас нет...» – думал я с несвойственным мне раздражением. Просто я устал стоять и выкрикивать:

– Чьи деньги?! Кто потерял десять рублей?!

Прохожие останавливались. Торопливо доставали бумажники, щёлкали замками сумочек. Мне не везло – в бумажниках и сумочках концы сводились с концами. Тяжело вздохнув, люди шли дальше.

Я уже охрип.

Стал накрапывать дождь и я, зажав две пятёрки между большим и указательным пальцами, пошёл своей дорогой.

Справа от меня продвигался молодой человек с беззаботным выражением лица, какое бывает только у студентов. Из его полурасстёгнутого кейса виднелся надкусанный батон. Хлеб со следами молодых зубов произвёл на меня странное впечатление: моя рука с деньгами опустилась в карман плаща молодого человека. Сделал я это, очевидно, неловко, непрофессионально. Молодой человек остановился, посмотрел на меня и, сухо поджав губы, сказал:

– С кой стати лезешь в чужой карман?

– Простите, я не лез... – растерянно произнес я. – Я положил вам десять рублей...

– Положил? – с его лица исчезла озадаченность. Смотрел он на меня так, словно позади у него удачный полёт в космос и теперь ему предстояла приятная процедура награждения. Он вытащил из кармана деньги. – Надо же... – протянул.

– Понимаете, – говорю, – нашёл на тротуаре... Хотел вернуть. Ведь они не мои...

Молодой человек понимающе кивал головой и слушал меня, как слушают безнадежно больного.

– Вас, наверно, и сейчас ещё совесть мучает? – с сочувствием спросил он.

– Признаться, да...

– Бросьте! Предвзвудки. Уж если мучиться, то безденежьем, – и он бесцеремонно сунул одну пятёрку в карман моего пальто. – Несите. Несите домой – вы её честно нашли. Это видно по вашим глазам. Ну, полегчало?!

– Как вам сказать...

– Да что это за отвратительная кристалльность?! – возмутился молодой человек. – Допустим, вы завтра потеряете сто рублей. Допустим, не услышите, как будут кричать: «Кто потерял?..» Возможно такое?!

– Сумма, простите, уж очень...

– Но возможно такое? Пусть не с вами. Пусть с кем-то другим, но возможно?!

– Допустим, возможно.

– Так считайте эти пять рублей в счёт ваших будущих потерь! – решительно произнёс молодой человек. – Ну, полегчало?

Мне было трудно что-либо возразить. Мы расстались.

Не успел я сделать и десяти шагов, как надо мной нависло лицо, извиняюсь за выражение, топорной работы. Сигарета меж полных губ казалась зубочисткой.

– Это ты тут мои трудовые разбазариваешь?..

Я вздрогнул, словно меня застали за неприличным занятием. Что-то пробормотав в свое оправдание, я протянул незнакомцу пять рублей.

– Гони ещё пятёрку... Гони, гони, филантроп занюханный, – сквозь зубы процедил незнакомец, стряхивая пепел на поля моей шляпы.

Письмо в деревню

Здравствуй, Танюшка, дорогая подруженька босоногого детства. Долго не могла решиться. И вот надумала, пишу тебе письмо. Пишу, хоть и боязно, что станешь смеяться надо мной. А вдруг поймёшь меня? Вдруг не осудишь и смеяться не станешь? Может, даже посоветуешь как мне быть. А уж я-то была бы тебе век благодарная. Ты мою мамашу знаешь, не ей же писать... На тебя одна надежда. Эх, Танюша, далёкий родной человек!

Веришь ли, познакомилась и я наконец. Не спрашивай, где, когда, как... И сама толком не помню, до сих пор всё как в тумане. Парень ничего. И с виду, и так. Росточком повыше меня будет. Зовут Валерой. Выглядит молодо, хоть армию давно отслужил. Был он там танкистом. Серьёзный такой. Не шибко говорливый, но родом городской. Сам чуть конопатенький. Усики у него. Рыженькие. Топорчатся так, видать, колючие. Мы ещё, честно тебе скажу, не целовались. Ох, не о том я... Четыре года в городе живу, а всё дурёха дурёхой. Пишу тебе о нём, а сердце бух-бух. Ровно на выпускных экзаменах в ПТУ.

В общем, Танюшка, предлагает он мне руку и сердце. Словом, берёт в жены, а я боюсь. Не веришь? Честное слово! Ведь дурёха, правда?

Я вот всё присматриваюсь к нему и вижу – странный он какой-то. Вот придёт к нам в общежитие. Войдёт в комнату, со всеми вежливо так поздоровается. Девчонки, конечно, засобираются, а он: «Сидите, девочки. Вот когда мы с ней распишемся, вот тогда попрошу всех оставлять нас наедине. А пока занимайтесь своими делами, вы нас не стесняете». Представляешь? Сидит молча. На меня с улыбкой смотрит. Глаза у него ласковые становятся. И тоже – рыженькие, ровно спелый крыжовник. Вдруг нагнётся, пощупает своей волосатой ручищей подушку на моей кровати. Глаза зажмурит, носом потянет, говорит: «Девичеством пахнет...» И громко так. И серьёзно так. Все слышат. Вроде чего такого сказал, а мне стыдно. Хоть провалиться... Так и вспыхну. Краснеть всё никак не отучусь.

А парень, Танюшка, вроде ничего. Знаешь, не пьёт, не курит. Представляешь? И на фабрике мне все уши прожужжали. Мол, такого днём с огнём поискать в наше-то время. Радоваться бы, а у меня на душе кошки скребут. Не иначе как я и вправду дурёха, своего счастья не понимаю.

Не подумай, что с рождения он такой положительный. Он раньше и пил, и курил. Молодой, говорит, был, глупый. Но, говорит, изжил из себя эти человеческие недостатки. Прямо, говорит, калёным железом вытравил. Ещё в армии. Рассказывал, был он сержантом, младшим командиром. Как поймает курящего солдата в строю, наказывает по-особому. Построит подчинённых, перед тем как им спать ложиться. Всем в руки по лопате и – шагом марш в лес. А до леса, почитай, километра три будет. Тот окурок закапывать. По-ихнему – «хоронить». Закапывают окурок в глубокую яму и обратно в казарму. Да ещё с песней. Это-то когда спать давно пора... Говорил, сам он и бросил-то курить, чтобы, значит, с курильщиками бороться «на полных моральных основаниях». Так говорил он. Странно, правда?

И не пьёт тоже. Представляешь? А ведь работает в автопарке слесарем. Как он там среди шоферов крутится, ума не приложу. И, между прочим, на хорошем счету у начальства. Говорит: «Меня начальство уважает. Бывает и побаивается. Так что, кто как, а я, – говорит, – себе светлое будущее построю». Представляешь?

Иной раз проходим мимо пивного ларька. Ну, стоят мужчины, пиво пьют. Пройди себе мимо, не водку же хлещут. И ведут себя смирно. Так нет. Как посмотрит на них, желваки на скулах нальются, губы побелеют. Говорит: «Скоты, так и дал бы по кружке кулаком, чтоб в плотке застряла, а зубы в крошево...»

Прямо страшно на него смотреть в такую минуту. Глаза стеклянные делаются, и сам вроде сатанеет. Видишь какой? Вот что делать, а? Ведь он всё пристаёт: распишемся да распишемся.

А я боюсь. Говорю ему, мол, давай так сперва поживём, а там видно будет. А он всё на своём стоит. И ведь, надо сказать, особо не цепляется, особо рукам воли не даёт. Говорит: «Распишемся, тогда, – говорит, – держись. У меня пороха на десятерых...» Я от его таких слов краснею. По спине мурашки бегут. Страшно становится. И ведь вроде человек со всех сторон положительный. Прямо голова кругом. Вот что, подруженька, делать?

Да, забыла! Он же у меня и в институте учится. Заочно, на третьем курсе. Говорит: «Я далеко пойду. Меня никто не остановит. С дипломом-то кого надо за жабры я крепко возьму. Так что в слесарях засиживаться не намерен...» И верно, ведь далёко пойдёт, по нему видать.

Живёт он с матерью-старушкой. У них однокомнатная квартира. Если выйду замуж, мне от работы тоже жильё обещали. Я ведь, сама знаешь, тоже в передовиках хожу. Но вот не знаю: идти или не идти за него? Боязно чего-то. Вот ей-богу, был бы выпивохой немного. Всё легче было бы. Верно говорю, сразу бы пошла. Подумаешь, пьяница!.. Сейчас, сама знаешь, в каждом райцентре этих наркологических кабинетов, как грибов в нашем березничке по осени. Уговорила бы. Вместе пошли бы туда. Начал бы лечиться. Как все нормальные люди. Вышел бы человеком. Уж я бы помогла бы. А так – не знаю, что делать. Рассуди, подруженька, посоветуй. Ты ведь замужняя, с опытом. И меня знаешь вон с каких пор. Помнишь, в куклы играли? Господи, когда это было!..

Пиши, дорогая Танюша. Жду не дождусь твоего ответа, ведь жизнь решается. Ты уж про мою кручину никому пока, ладно?

Привет всем. Особенно бабе Мане.

Как ты там со своим Николахой, всё воюешь?

Танюш, отсеялись хоть? Или Томилинские пустоши опять ещё не вспаханы?

С городским приветом Вера Котомина.

Для практики

Истина, что настоящая мечта должна быть трудно достигаемой, подтверждается примером Анатолия Самотёкова. Многие годы грезился ему собственный мотоцикл. Грезился на уроках в школе и потом, когда стал работать на производстве. В армии на утренней и вечерней поверке, когда служил срочную. И опять на производстве родном, куда вернулся после службы.

И вот пришёл день. В этот день Самотёков привёл во двор нашего дома «Яву» на «350 кубиков» с коляской.

К тому времени в паспорт Анатолия были вписаны жена и двое детей.

Новая машина была поставлена под тополем на специальную подстилочку, изготовленную женой ещё два года назад. Столь же новой и аккуратной вехоточкой Самотёков стал протирать и без того ослепительно блестящие части машины.

Он трогал рычаги сцепления и тормоза. Душа его пела светозарные гимны, а между гимнами тихо ликовала. Счастливая улыбка прогуливалась по широкому лицу, как захмелевшая муха по столу со следами варенья.

За Самотёковым с хорошо скрываемым интересом наблюдал Семён Семёныч – швейцар нашего районного ресторана «Прибой».

Стоял жаркий летний полдень и Семён Семёныч отдыхал перед своей, как он говорил, «ночной сменой». Сейчас он сидел за столом у распахнутого окна и пил чай из блюдечка. Пил осторожно, стараясь не окунать в горячий напиток усы, представлявшие собой два хороших куска манильского каната.

Процедура чаепития началась давно, и потому на свекольного цвета лице Семёна Семёныча дрожали алмазные капли.

У правого плеча Семёна Семёныча, напоминавшее плечо Поддубного, стоял надраенный мелом ведёрный самовар. Самовар этот, сохранившийся с далёких бабушкиных времён, с честью пережил эпоху гласных и негласных гонений на подобные предметы прошлого быта. Затем пришло время, когда к Семён Семёнычу зачастили прилично одетые люди из числа высококультурных. Смысл их витиеватых высказываний сводился к предложению продать славное изделие тульских мастеров. При этом они доставали из недр своих первосортных пиджаков баснословные деньги. На что Семён Семёныч, разглаживая непокорные усы и запуская широкую, как степь, ладонь под рубаху на животе, отвечивал:

– Вот выпьете, мил человек, цельный инструмент, тогда и подумать можно будет...

Разумеется, пришельцам не хватало ни смелости, ни дышу, они уходили ни с чем. А Семён Семёныч, довольный собой, продолжал опоражничать «инструмент».

– С покупочкой, Анатолий Матвеевич! – выдохнул в окно владелец самовара.

– Спасибо, Семён Семёныч, – ответил Самотёков, не отрывая глаз от красной сверкающей машины.

– Ежели бензинчик для начала запонадобится, то у меня две цельных канистры в сараюшке.

Надо заметить, что у Семёна Семёныча самого был старенький мотоциклишко для осенних выездов по грибы. Куплен он был некогда по дешёвке с рук. Заводские номера на нём были сбиты, и надо полагать так, что машина была краденой.

Обтерев «Яву», Самотёков стал ее заводить. Ему было интересно посмотреть, как она заводится. Завелась хорошо. Анатолий заглушил двигатель, чтобы посмотреть, как он глохнет. Заглох хорошо. Тогда Самотёков отвернул одну большую гайку, чтобы посмотреть, как там и что там. Но видно было плохо, и он отвернул ещё пару гаек.

Вскоре весь мотоцикл, разобранный на гайки, винты и части, лежал на подстилочке. Теперь Анатолий улыбался ещё больше. Всё не верилось в счастье, что маленький складик частей – его собственность, принадлежит ему одному.

Налюбовавшись, стал собирать машину.

Собрал быстро, играючи. Потому что изучал технику по книгам, заранее и дотошно.

Но тут случилось непонятное: когда машина была собрана, на подстилочке осталась одна маленькая шестерёнка. Озадаченный Самотёков перестал улыбаться. Подождал, пока с лица схлынет холодный пот, и быстро разобрал машину. Снова собрал. Но закавыка повторилась. Тогда он попробовал завести машину. Завелась. Попробовал заглушить – заглохла. Снова завёл. Сел. Включил скорость – поехал. Остановил – остановилась. Самотёкову стало жарко. Если бы машина не поехала, тогда всё было бы ясно: где-то чего-то не хватает. А тут... «Эдак поедешь со всей семьёй и где-нибудь непременно развалишься», – ужаснулся он, вдруг представив себе свою семью без отца и мотоцикла или без матери и мотоцикла. Дети в его галлюцинациях, слава богу, оставались целыми и невредимыми.

На него накатили новые душевные силы, с которыми он принялся собирать и разбирать машину.

После восьмой попытки Самотёков понял, что пристроить злополучную шестерёнку в организм машины без посторонней помощи ему не удастся: голова набитая книжными знаниями, отказывалась служить, ум, как говорится, заходил за разум.

– Семён Семёныч, видели?.. – беспомощно, из последних сил улыбнулся Анатолий.

– Видел, видел. Проживи с моё, и не такое увидишь, брат...

– И что мне теперь делать, а?.. Может, вы глянете глазом специалиста? – недоумение, досада и стыд звучали теперь уже в подобострастном голосе Самотёкова.

– Э-эх, – тяжело вздохнул Семён Семёныч и надолго задумался, вспоминая трость последнего самоварного гостя. Трость была знатной: с набалдашником слоновой кости. Тут было над чем задуматься.

– Так глянете, Семён Семёныч?.. – ещё более просительно напомнил о себе Анатолий.

– Глянуть? – встrepенулся Семён Семёныч. – Можно и глянуть. Отчего ж не глянуть. Эх! Молодо-зелено... Ты вот что, Матвейч, отцовский сын, сгоняй-ка в заведение. Вермут сегодня завезли. Посидим, попьём чайку... Одна голова – хорошо, а две – всё лучше. Так?!

Самотёков вернулся быстро.

Сели за вермут и чай. Начал Семён Семёныч издадека. С вопроса: от чего у волков наших Заборских лесов не бывает язвы желудка?

Самотёков было попытался завернуть разговор на свою «Яву», но незамаскированное предложение перейти к теме, далёкой от волчьей язвы, только вызвало досаду у Семёныча.

– Ишь ты, какой безудержный – гонишь невед куда. Ну что с твоей «Явой» произойдёт? Вон она стоит себе смирёхонько и ещё поскучает. Давай лучше чокнемся за технику. Понял?

– Понял, – набираясь терпения, отвечал Самотёков.

– Эх, Матвейч. Техника... – продолжал Семён Семёныч, подставляя под фыркающий носик самовара чашку с чёрной трещиной на грязноватом фарфоровом боку. – Техника – что скотина. Будешь её беречь да холить...

– Я ли не берегу, не холю... – с обидой проканючил Самотёков.

– Не перебивай, не люблю этого, – сурово заметил Семён Семёныч. – Так о чём я?.. Да, брат. Будешь уважать да корма отборные задавать, и она тебе отплатит тем же. Уж точно отплатит. А ты как думал? Я вот вспоминаю, как раньше бывало. Без техники. Тихо было, Матвейч! Ти-ихо... – и Семён Семёныч положил свою руку Поддубного на сырое плечо Самотёкова. – Это от неё, от голубушки, от техники пошли треск и веселье на земле. Бойчее как-то люди

жить стали. Теперь каждый, смотришь, шась туда, шась сюда и... только его и видели. Вот, брат, какие дела – техника. А ты говоришь...

– Я, Семён Семёныч, всё это прекрасно понимаю, – с волнением отвечал Самощёков. – Нам ещё в школе про то рассказывали... Только вот откуда у меня шестерёнка эта отвалилась? Вот чего, убей меня, не разумею.

– А чего тут разуметь-то? Железо – оно и есть железо, – сказал Семён Семёныч и постукал по самовару твёрдым ногтем, сделанным тоже из консервной жести. – Ну-ка, покажи-ка мне её, шестерёнку твою, голубушку.

Самощёков поспешно выскочил в окно и уже оттуда, с улицы, подал шестерёнку Семёну Семёнычу.

Тот долго рассматривал её, приговаривая:

– Отменное железо, отменное. Даром что не ихнее, не заграничное. Кое-чего и мы в этом деле маракуем не хуже их...

Семён Семёныч зачем-то понюхал шестерёнку, потом бросил её в угол и вытер руки о штаны.

У Самощёкова выкатились глаза и надулись губы.

– Это что же такое, Семён Семёныч? Что же получается?! – пробормотал он в полной растерянности.

– Иди ездь! Ездь на своей технике.

Самощёкову вдруг до боли стало жаль денег, потраченных на вермут, жаль бездарно убитого времени.

– Да как тут ездить?! – взорвался он.

– Так и ездь. Спокойно ездь. Как во всём мире ездьют. А железку-то подкинул я тебе. Свою. На твой коврик...

– Как подкинул?! – Самощёков застыл на подоконнике.

– Так и подкинул. Чтобы ты, значит, в технике шибче смекать наострился. Понял?

– Не-ет, – ошалело, изо всех сил напрягая мозг, протянул Самощёков.

– Ну для практики я тебе её подкинул. Для практики. Дай, думаю, гляну, как мой сосед молодыми извилинами ворочать будет. Смекнул?

– Ну, коз-зёл старый! Чтоб на тебя твой самовар распалённый опрокинулся... – зло цедил Самощёков, вылезая в окно.

Инструкция по посещению зоопарка

На первый взгляд, необходимость в данной инструкции сомнительна. Воображаемый оппонент может заявить, что подобный материал имеется на всех заборах зоопарка. Что звери от скуки и в свободное от еды время читают их слева направо и сверху вниз, поскольку инструкции, как правило, находятся в поле их зрения. Но позвольте, мы имеем в виду инструкции, адресованные не хозяевам зоопарка, а гостям – посетителям. И потом, не можем же мы лишать заборы декоративно-поучительного оформления, а зверей – развлечения в их вынужденном заточении, в то время как посещение зоопарка в соответствии с изученной накануне предлагаемой инструкцией, делает таковое приятным, полезным и безопасным.

Итак, простенький свод правил по посещению зоопарков.

1) Махание перед носом хищного зверя шапкой, снятой с головы рядом стоящего зрителя, недопустимо. Может получиться так, что зверь выхватит головной убор, а заодно прихватит и тот, что у вас на голове, хотя это, возможно, и не входило в ваши планы. Помните: иметь дело с двумя шапками любому зверю куда занятнее. Требовать же в этом случае сатисфакции просто нелепо. Ибо мы имеем дело с существами иного порядка. Более высокого. Там, где мы видим махровое хулиганство, звери видят добродушную шутку.

2) Не прыгайте в бассейн к белым медведям, в то время как они предаются своим подводным играм.

В том случае, если вы забыли об этом пункте нашей инструкции или вспомнили после того, как оказались в воде, не теряйте самообладания. При явно выраженной угрозе со стороны животного быстро нырните, нащупайте в воде его пятки и начинайте щекотать. Думается, нет надобности подробно освещать технологию щекотания – она общеизвестна. Разумеется, медведь будет вынужден хохотать. И пока его передние лапы будут держаться за живот, вы сможете спокойно выбираться или же (смотря по настроению) заняться его белогривым братом или сестрой. Разумеется, в ваших действиях должно иметь место чувство меры, дабы смеющееся животное не захлебнулось в воде...

Примечание: предлагаемый способ самоспасения на практике ещё не проверялся. Тем не менее неоспоримая логика его такова, что заставляет включить в данную инструкцию с полной уверенностью в положительности результата.

3) При посещении бурых медведей берегите уши. Помните: стоит мишке ненароком наступить на ваше ухо – и вам уже никогда не спеть под Новый год «В лесу родилась ёлочка...». Даже по нотам.

4) При виде страуса, сунувшего голову в песок, не вздумайте интересоваться тем, что он там прячет. Это куда опаснее для вашей жизни, чем удар электрического тока напряжением в 380 вольт. Между прочим, в зоопарках цивилизованных стран на шею страусам вешают предупредительные бирочки с изображением скрещённых костей и черепа. Требуйте от администрации зоопарка оснащения всех страусов вышеуказанными бирочками. Жалобы на нехватку таковых бирочек несостоятельны. Пусть оглядятся вокруг, пусть присмотрятся – их так много. Только их почему-то чаще прибывают к столбам.

5) Рекомендуем обратить внимание на безыскусные песенки лесных пичуг под сводами вольеров.

6) Слон, помахивающий хоботом, вовсе не приветствует вас. Отнюдь... Он осуждает вас. За рассеянность. Надеялся, что принесёте из дома мешок брюквы и угостите, а вы?.. Ай-яй-яй...

7) Стоя у площадки молодняка снисходительно отнеситесь к проделкам малышей, даже в том случае, если в детстве вы себе такого не позволяли.

8) Собираясь в зоопарк снова, не забудьте мешок брюквы.

Штаны

Давно замечено, что ритмический труд наводит на плодотворные размышления. При этом высвобождающиеся узлы мозга способствуют более углублённой работе мысли. Человек невольно делает кой-какие открытия, связанные с окружающей действительностью...

Почтальон села Желтые Дубки Павел Васильевич Карягин пилил дрова. Особой надобности в топливе не было. Но так уж привык Павел Васильевич, что, когда ему надо было что-то пообмыслить, он занимался дровами. Пилил он один. Ранним утром. Двуручной пилой.

Ритмично шоркала пила, и так же не спеша сматывалась нить мысли со вчерашнего клубка событий.

Две недели назад племянник Павла Васильевича – Серёга прислал телеграмму: «Буду пролётом вас 15 готовьте горючее заправке тчк Сергей».

Племянник был профессиональным музыкантом. Жил в Москве и играл на барабанах, разъезжая по городам страны. Оркестр, в котором работал Серёга, исполнял популярные песни и танцы. Без такого специалиста, как Серёга, оркестру пришлось бы туго, поэтому он был уважаемый человек в коллективе.

Вот и сейчас племянник Павла Васильевича отбарабанил шесть концертов в городе Томске, и теперь ему надо было поспешать в Кривой Рог. По пути он заскочил к своим любимым дяде и тёте, которые по предупреждению в телеграмме наготовили для племянника первостатейного самогону.

Серёга появился во второй половине дня. Чуть ли не вся деревня сбежалась посмотреть на племянника Павла Васильевича в белых штанах и волосатого, как медведь.

Многих снедало любопытство: что и кому привёз он в подарок.

Павлу Васильевичу достались серые штаны из очень крепкой на вид материи. Все, кто хотел, пробовали материю руками и говорили:

- Заморская. Такой сносу не будет.
- Брезент – не брезент... Шибко крепкие.
- В войну такой материей самолёты чехлили.

Сам Павел Васильевич подумал: «Добрый подарок. В них сколь ни ходи, всё как новые будут».

– Примерил бы, – посоветовал кто-то.

Павел Васильевич пошёл, надел обнову. При этом обнаружил интересную вещь. Где у нормальных штанов пуговицы, здесь – металлическая штуковина, молния.

«Быстрота-то какая! Это надо же до чего додумались...» – и он несколько раз, для своего удовольствия, расстегнул и застегнул механизм.

Уже потом, когда сели за стол, когда приняли по второй, Павел Васильевич показал кой-кому из знакомых любопытную штуковину на штанах.

- Надо же, засобачить на такое место?!
- Хитрецы!
- Теперь за что ни возьмись – всё с хитростью.

От этих слов душа Павла Васильевича таяла, и он благодушно улыбался гостям скорее по причине гордости за такого племянника. А когда разгорячённый, смеющийся Серёга схватил табуретку, приладил её на коленке да пошёл барабанить двумя лучинками для растопки, тут уж он не удержался, пустился в пляс. А Серёга работал руками и губами вместо всяких инструментов. У него получалось бойко и весело. Тут и Любовь Ивановна, Серёгина тетка, и другие прошлись с удовольствием, да так, что только половицы стонали и похрустывали.

Чем всё кончилось – Павел Васильевич не помнил. Проснулся он на стуле, далеко от стола. В избе было накурено, темно и тихо. Захотелось на двор, и он пошёл.

Глаза слипались. Ломило затёкшую спину.

– Вот, едрит твою, пуговицы где-то оторвал... – сонно бубнил он.

Пританцовывая, Павел Васильевич долго топтался под высокой черёмухой в конце огорода. В голове тяжело перекачивалось: «Ежели пуговцы оторваны, так чего ж держит?..»

И когда уже случайно задел что-то и всё получилось, как надо, то было уже поздно...

Утром, когда племяш ещё спал крепким молодым сном на сеновале, Павел Васильевич предавался вышеописанной пилке дров.

«Ишь, выискался... Пожалте. Носите на здоровье хоть до второго пришествия подарок заморский. Сидите у себя на почте и не думайте ни об чём плохом... Артист пустоголовый! Мы ездим, мы летаем, белые штаны носим. Тьфу! Через мои руки писем, почитай, штук сто в иной месяц проходит. Вон! Одно аж из Бразилии залетело. Кому – органы пока не разобрались. Не живёт у нас такой фон-барон. А переводы... Переводов другой раз аж на триста рублей. Брехун лохматый! Заправляется самогоном, как бомбовоз. Другьям, видишь ли, водка простая не по нутру, так у меня, мол, тётя с дядей при самогоне сливочном...»

В это время во двор, распугивая кур, выскочил розовощёкий, брызжущий здоровьем Серёга.

– Васильич, кончай дурака валять! Вон у тебя и пиленых, и колотых на четыре зимы и три лета! Айда в избу, примем на грудь по стаканцу. Шарахнем за радость жизни. Тётушка уже и яишню сварганила...

– Слышь ты, сварганила... Штаны, вишь. На верёвке висят. Твои которые... Забирай их и проваливай ко всем чертям! Нечего тут пьянство разводить...

Письмо брату

Здравствуй Митяй, чёрт полосатый!

Я не пишу, так и ты помалкиваешь. Считай, счёт я размочил. Один – ноль в мою пользу. Годится? Слышь, здорово наше «Динамо» ваш «Шинник» надрало? Что? Не по носу, да?! А ты нюхай. И шнобель-то не вороти.

Митяй, вот я тебе про какую новость сообщить хотел. Понимаешь, поселился на нашей лестничной площадке композитор. Вот цирк-то! В войну-то, когда без портков по деревне бегали, кто бы сказал, что с композиторами под одной крышей жить доведётся, а? Соседа моего, Сидорова, помнишь? Должен помнить. Он как на Восьмое марта подавился рыбной костью, отлежал своё в больнице, так они и съехали. Медики ему, говорил, чуть глотку с той костью не удалили. Вместо горла хотели хлорвиниловую трубу поставить, да он тормознул это дело, не согласился. Так вот, на место Сидорова этот очкарик и въехал. Я раньше думал, что за композиторы, какие они из себя? А тут глянул – смотреть не на что. Плюгавенький такой, брючата мятые, каблуки стоптаны, галстук на сторону смотрит. И всё чего-то лыбится в свои стеклашки. А чего лыбится? Разбери-пойми.

Как-то выглянул в окно, а он с пацанвой комком снега в футбол играет. И Витька-то мой орёт на весь двор: «Дядя, дядя, пас!» Дядю нашёл! Соплём до смерти зашибить можно такого дядю. Ах ты, думаю, кишка музыкальная! И такая во мне злость на этого очкарика поднялась, прямо спасу нет. Так бы и перекрыл ему кислород. С чего бы? Понимаю, в трамвае на ногу наступил бы. В мебельном стенку югославскую бы увёл из-под носа. Или бутылец портвейна проспори и зажил. Так ведь нет. И с чего, спрашивается, злость эта? Кто бы сказал.

А к нему всё народ всякий шлюндрает. Танька узнала, текстовики это. Которые слова пишут. Сам он, понимаешь, не может, так другие на него работают. Видал жукастого мужика?! В башке масло имеется, шурупит насчёт эксплуатации человека человеком.

Вальке бы, дурёхе, уроки делать, так она на площадке окалачивается. Всё хочет певцов всяких сблизить разглядеть. Потом, куда ни придёт, только и слышно «А у нас композитор, а у нас композитор». Прямо зациклилась. Когда «жигулёнка» купил, не хвасталась так. Да, Митяй, про нас так не станут говорить. Ну да чёрт с им. Я ещё посмотрю на его музыкальное поведение. Ежели чего, так живо рога обломаю.

А так у нас всё нормально. Купил тут Витьке велосипед складной. А то ведь клещом впился, житья прямо не давал, стервец. Лето придёт пусть катается. Велосипед, скажу тебе, со всякими причиндалами, не копеечный.

Да, Митяй, «Икарус» мне новый дали. Выцыганил. Одной водки сколько втюхал в глотки автопарковским жлобам. Начальнички... Мать их за ногу.

Танюха сейчас в ночную. Всё охает да крёхает, тяжело, мол. Мне-то, мужику, сам понимаешь, тоже неудобственно. Хожу как корова недоенная.

Батьке с маткой письмецо отправили. И ты пиши, не забывай стариков.

Тресни там Аньку свою по филейным выкрутасам, чтоб писала, бесстыжая. А то моя Танька тоже злится.

Жду ответа. Твой брательник Роман.

Дед-то как там? Выздоровел? Пускай к нам едет. Валька с Витькой по ему скучают.

Как познакомиться с интересной девушкой

Интересных девушек на белом свете несколько меньше, чем не интересных. К сожалению, современный уровень информации таков, что интересные девушки об этом знают или догадываются и потому стараются вести себя неприступно.

Что делать в таком случае? Ведь вам так хочется!..

Первый способ, известный со времён каменного топора: отступить. То есть при встрече с интересной девушкой шарахнуть от неё в сторону. Этот способ хорош ещё и тем, что не влечёт за собой никаких последствий, даже отпадает необходимость в дальнейшем изучении предлагаемого руководства.

Второй способ: приступить. Он, как говорится, тернист, влечёт за собой массу хлопот и приводит к результатам весьма сомнительного достоинства. Так что наша инструкция – для любителей авантюры, риска, предпочитающих попадать в помещение по водосточной трубе независимо от этажа.

Для удобства в дальнейшем будем называть объект нашего исследования неприступной крепостью, сокращённо НК. Как всякая НК, наша тоже имеет свои толстые каменные стены, башни, рвы, наполненные далеко не свежей водой или хищными зверями, а также кованые ворота, за которыми недремлющая стража.

Бдительность стражи необходимо усыпить. Даже опытным труболазам неизвестно, что это такое и каким образом этого достичь. Ну что ж, объясним: кроме дюжих ног, рук, певческого дара и необоримой настырности необходимо иметь в своём репертуаре несколько фокусов, не требующих особо сложных аксессуаров. Фокусы должны быть заранее хорошо отрепетированы.

Вот вы полезли. По трубе или же по верёвочной лестнице...

Как только почувствовали, что замечены стражей, сразу же приступайте к манипуляциям с цветной бумажкой, ленточкой, блестящей пуговкой, осколком зеркала. Следите, чтобы ваши пассы были легки и непринуждённы.

Наконец у стражи отваливается челюсть. Пардон, в недоумении мило открывается ротик. От изумления. Из рук вываливается стражническая (давно не точенная) алебарда, бретелька кольчуги сползает с плеча.

Руки стражи свободны. Но пока ещё не для жарких объятий. Пока они просто не могут не открыть кованые ворота НК и не пригласить вас приблизиться, дабы рассмотреть ваши поделки с надеждой кое-что раскусить.

И вот отчётливо видно как незамысловатые манипуляции, выполняющие функции Троянского коня, приводят к победе.

Входя в крепость, необходимо помнить: побеждённого следует встречать цветами. Впрочем, не будем ханжами, цветы – это тоже уловка. Один из элементов фокуса.

Маленькое пожелание: бесстрашные завоеватели НК, надёжных Вам водосточных и прочих сточных труб, изготовленных в тех странах, где ничего не умеют делать тят-ляп!

1. Фразы для служебного пользования

Обнимаете, как медведь, и называете это любовью...

В ту минуту я взял бы себя в руки, но они были заняты.

Хамство в трёх измерениях.

Аттестат спелости.

В окне показался небритый тип, явно не знакомый с биномом Ньютона.

Если вы настоящие родители, так свейте же наконец мне гнездо!

Злобное место.

Счастье пришло в конверте. На клочке бумаги. В виде двух строчек корявым почерком. С тремя очаровательными орфографическими ошибками.

Калейдоскоп болезней.

Галифе на фоне заката.

Бицепсы твёрдые, как у статуи.

На берегу моря было много водорослей, причудливых, как её отношения с отдыхающими молодыми людьми.

Наша эра

Отовсюду только и слышно: наша эра – эра НТРа. Как всякий передовой человек, поневоле присоединишь себя к широкому кругу мыслящих граждан. Думается, дело нужное, современное. Судите сами.

Кто я был такой до НТР? Был сантехник по фамилии Нутрянов Евгений Поликарпович. Сидел на окладе в подвале своего ЖЭКа и ждал случайных возвращенцев из гастронома. И вечно у них на устах дурацкий каламбур: «Ну что, Нутрянов, примешь внутрь?»

Случалось, выйдешь по рабочей нужде, взвалишь на себя ящик из-под патефона (инструмент в нём) и топаешь, куда скажут, упираясь, как карла. Совсем иное дело теперь, с приходом НТР. В руках у меня не гремучий ящик, а портфель. Почти из чистой кожи за 87 рублей. И человек я – не на окладе, а сдельный. Нахожусь в помещении, в пультовой. Помещения эти, как правило, ниже первого этажа не помещаются.

За пультами – образованные диспетчера. На лампочки смотрят, как они мигают. Сигналы слушают. В толстые пронумерованные книги с сургучными печатями вызова записывают. Листик-другой из такой книги теперь запросто так не вырвешь. Так что если чего завернуть надо, приноси, будь любезен, из дома.

Много нас с утра в пультовой. Сантехники, электрики, лифтеры. Здесь тепло, светло. На стенах яркие плакаты про всякие планы, про спортлото, про лес – наше богатство. Народ в основном молодой. Весело, шутки, как водится. Электрики лифтеров плоскогубцами за носы хватают. Мы, сантехники, сидим, своими накидными шведками друг перед другом выхваляемся. Словом, нормальная предробочая атмосфера.

Начинаются вызова. Слышу из репродуктора:

– Евгений Поликарпыч, проследуйте на улицу Тюфякова, дом такой-то, квартира такая-то.

Делаю хлопцам ручкой. Мол, в открытый космос выхожу...

– До скорого возвращения! – напутствуют. А из репродуктора несётся бодрящая песня: «Кони сытые бьют копытами...». Так под эту музыку и выхожу с гордо поднятой головой.

Прихожу по адресу. Старушка встречает. Чего-то пригорюнилась. «Ну, сейчас, – думаю, – развею твою тоску-печаль».

– Здравствуйте, бабуся! – улыбаюсь. – Вызывали?

– Вызывали, – шамкает.

– В чём дело? На что жалуетесь?

– Я тут старичка одного приглашала, – отвечает, – он мне тут по моему ходатайству сундучок смастерил. Хороший такой сундучок...

Вот тебе раз! Мне-то рассусоливать некогда, я теперь человек сдельный – вызова ждут. Не до сундучков...

– Краны в порядке? – спрашиваю. – Не текут?

– Так я тому старичку, – отвечает старушка, – маленькую купила, а он непьющий. Вот горяшко-то, мил человек...

– Что ж вы, бабуся, – говорю, – раз сантехник, так непременно пьющий? Так, что ли? Нехорошо. Устаревшими пережитками живёте. А ведь на дворе-то другая эра. Эра НТРа.

– Дак она, милый, давно в холодильнике стоит. Замерзает. И вылить грех, и место занимает. А самой где уж мне. Уважь ты старуху-то...

– Эх, бабуся! Ладно, давайте. Из почтения к вашим, как говорится, сединам, – говорю. – А как насчёт огурчика солёенького?

– Да у меня, мил человек, для тебя и грибочки найдутся, – так и запорхала старая по кухне.

Бодрый и весёлый, возвращаюсь на пультовую. Опять по радио звучит: «Ордена недаром страна-то нам вручила...» А потом диспетчер докладывает:

– Евгений Поликарпыч, вас давно ждут по адресу: Платяной переулок, дом 32, квартира 51.

Соображаю: Угрюм Мироныч вызывает.

Портфель под мышку, иду.

У Угрюм Мироныча никакого водопровода нет и никакого отопления не имеется. Уж такой оригинал. Он вообще принципиально против всяких технических новшеств. Особенно металлических. Рассказывал, будто на почве грозы. Он и воду-то носит на коромысле в деревянных бадейках от соседей по этажу. Правда, соседи за это норовят слупить с Угрюм Мироныча бутылку-другую в месяц. До скандалов доходит.

Одна слабость у Угрюм Мироныча – это телефон. Естественно, по причине его пластмассовости. А на воде он, хрен старый, экономит, из-за чего унитаз у него постоянно в засоре...

Прихожу. Мироныч – пузо навывкате, подтяжки на голое тело – встречает в дверях.

– Здравствуй, Евгеша, – говорит. – Проходи.

– Не рано ли? – спрашиваю.

– Не рано, не рано. Я, вон, жену отправил к теще в деревню, чтобы, значит, картошки доброй привезла. А сам сижу – пенсии дожидаясь. Скучно одному – ведь только через три дня дотащат..

Оставляю в прихожей портфель. Прохожу в комнату. У зеркала причёску поправляю. Тут телефонный звонок. Беру трубку – Васька Шепталов. Оказался дома – на больничный слёг.

– Звонил диспетчеру? – спрашиваю. – Сказал, чтоб оформил вызов на меня? Молодец. Ждём. С Угрюм Миронычем пока вдвоём...

Только положил трубку, опять звонок. Крохоборов меня ищет. У него собака медаль отхватила. На выставке.

– Вызов оформил? – спрашиваю.

Отвечает:

– Из трёх автоматов. Из каждого по два вызова. Годится?

– Годится. Приходи. Пока я да Мироныч.

Угрюм Мироныч на кухне подготовительными работами занят, а я от аппарата отойти не могу. Всё деловые разговоры. Навалились с вызовами. Кой-кого пришлось перенести на другой день. Да ещё с криком, с руганью. Уже и Васька Шепталов пришёл, и Крохоборов с собакой, к столу меня зовут. Васька пива свежего канистру приволок, а тут от связи не оторваться...

Вот так крутишься. Одно хорошо – человек я сдельный. За один вызов меня как специалиста мне причитается 7 рублей 18 копеек. Следовательно за десять – 71 рубль 80 копеек. А за тридцать?.. За тридцать неплохо получается... Правда, после такого рабочего дня приходишь домой – язык на плече. Не зря НТР по-нашему – Нет Тебе Ремонту. И кому пожалуешься? Такова уж наша эра.

А недавно нам сделали сообщение, что в квартиры всех низовых работников коммунального фронта проведут по большой красной кнопке. Нажмёшь её – и чтой-то произойдёт. Что именно – пока неизвестно. Но самое главное, в кулуарах поговаривают, что с введением этих кнопок следует ожидать надбавки до 10 рублей за вызов. Думается, эта мера не только облегчит жизнь трудящегося человека в такое трудное время, но и упростит бухгалтерские операции. Всё-таки и они люди. Так пусть и им работается полегче. Да что там говорить, другой эры нам покамест не светит...

Утюг

Виктор Михайлович Курдюков проглотил утюг. Как это произошло, теперь сказать трудно. То ли газету читал во время обеда, то ли гладил брюки, не отрывая глаз от телевизора. С кем не бывает.

Жена Виктора Михайловича, узнав о случившемся, всплеснула руками:

– Что теперь делать-то будем?

– Попробуем жить с утюгом, – шутливо, не теряя самообладания, отозвался супруг.

– Это понятно. А гладить чем?

– Одолжишь у соседей. Не каждый же день гладишь.

Оказалось, не так-то просто жить, когда в тебе болтается утюг, как батискаф на дне океана.

Ехал как-то Виктор Михайлович в трамвае. Вдруг слышит со стороны симпатичной девушки:

– Искалечить меня хотите? Что там у вас? Утюг что ли?..

– Не скрою, утюг, – произнёс Курдюков, скромно опуская глаза.

– Ценю остроумие. Особенно в такой давке, когда принято огрызаться, – ледяной тон в голосе девушки так и не растаял.

На днях зашёл Виктор Михайлович в универмаг выбрать запонки к новой рубашке. Нагнулся над витриной с ювелирными изделиями и... стекло лопнуло.

– Камни, что ли, за пазухой таскают? – долго потом ворчала продавщица. Хорошо ещё, без милиции обошлось. Всё-таки отдел особый... Ювелирный.

В конце концов и жена взмолилась:

– Виктор, хватит. Иди к врачам. Соседи уже ворчат. Да и бегать к ним, когда свой есть, надоело. И потом, смотри, я ведь из-за тебя вся в синяках хожу...

Пришлось идти к врачам.

Взглянуть на Курдюкова сбежались со всех кабинетов. Всё-таки не каждый день такие пациенты приходят на своих двоих.

– Ну-ка-те, где он наш утюгоносец?! – с глазами, полными творческого огня, в кабинет шумно влетел Сам.

Белокрылой стайкой бройлерных цыплят окружили его студенты. Готовясь записывать, они разламывали толстые тетради в клеточку и удовлетворённо попискивали.

Опытные пальцы хирурга нащупали ручку утюга.

Виктору Михайловичу показалось, что его вот-вот оторвут от топчана. В страхе он ухватился обеими руками за руку специалиста.

– Больно, голуба? – с сочувствием произнёс Сам. – Ничего, потерпи.

Горящий решительный взгляд прошёлся по лицам притихших соратников.

– Немедленно готовить к операции.

Операция прошла успешно.

– Я жив? – растерянно спросил Курдюков, придя в себя.

– Жив, жив, – почему-то недовольно подтвердила не то медсестра, не то уборщица, подметавшая палату.

Через несколько дней Виктора Михайловича навестил Сам.

– Вот и всё, – бодро сказал он. – Готовься к выписке. А это тебе на память.

Профессор протянул какой-то металлический предмет, изъеденный ржавчиной, смутно напоминающий своей формой утюг.

– Презабавная штученция, не правда ли?!

Но в ответ Виктор Михайлович почему-то вздохнул и отвернулся. Он молчал. В глазах его стояли слёзы.

– Это не мой, – всхлипнув, наконец произнёс он. – Мой был новый...

– Что-о?! – горячо выдохнул профессор. – Как это не твой?! Как это не твой, когда я собственными руками...

Виктор Михайлович рассеянно уставился на волосатые, мускулистые, безукоризненно чистые пальцы хирурга.

– Почему же он такой ржавый? – прошептал Курдюков.

– Дорогой мой! – зычно воскликнул профессор. – Это результат работы твоих желудочных соков! Заметь, хорошей работы...

– Результат... Не нужен мне такой результат. Жене гладить надо, а вы мне приносите такой результат...

– Голуба! Да стоит ли по такому пустяку расстраиваться? Беру себе на память твой утюжок, а тебе дарю совершенно новый. Годится?

Немного успокоившись, Виктор Михайлович сказал:

– Только, пожалуйста, на двести двадцать вольт.

– Будет тебе такой. С регулятором... – продолжая улыбаться, профессор задумчиво посмотрел в окно. Он представил себе, какое видное место займёт ржавый трофей в его домашней коллекции.

Жена была рада встретить Виктора Михайловича живым и здоровым.

Окончательно она растрогалась, когда увидела ослепительно блестящий утюг.

– Ой! – всплеснула она руками. – Совсем новый!

Обнимая жену, Курдюков скромно заметил:

– Это результат работы желудочных соков.

– Как интересно. Значит, желудочных, – без всякого удивления в голосе, думая о чём-то своём, произнесла жена. – Викташик, знаешь... Ты отдохни, дорогой, немного, а потом...

Курдюков взглянул туда, куда смотрела жена, и увидел на полке старинную, в тёмных пятнах ржавчины кофемолку.

Как вести умную и содержательную беседу

Есть люди, которые не знают, как вести умную и содержательную беседу, и тем не менее берутся за это дело. Странно, но у некоторых получается. Слушателей поражает оригинальность мышления такого человека, живость возникающих образов, поразительная сопоставимость несопоставимых вещей, лёгкая шутка перемежает глубоко серьёзные сентенции. То, что говорят такие люди, ясно, понятно, хотя и пересыпано порою непонятными словечками. У слушателей помимо их воли открываются рты в изумлении.

Разумеется, к таким стихийным умельцам наша инструкция не относится. Мы обращаемся к тем, кто очень хочет уметь, но у кого не получается. Или получается, но никто вокруг этого не замечает.

Вот путь к успеху.

Уже взятая за основу мысль должна быть оригинальной. Например, возможность снегопада в экваториальной Кении.

Первое, что вырвется у ваших слушателей: «Это невероятно!..» Теперь, не давая остыть накалившейся атмосфере, обоснуйте с научной точки зрения вашу мысль, исходя, скажем, из того, что тучи, напичканные снегом, находятся во власти ветров и уже потому, как сказал поэт, «без руля и без ветрил». Употребление словечек «пассаты», «муссоны», «Борей», а также ссылка на поэта – всё это оживит вашу мысль.

Слушатели ваши не успели и глазом моргнуть, как Кения вся в снежных сугробах: людям по пояс, слонам и носорогам – по колено. Красочно опишите изумление животных, впервые столкнувшихся с подобным явлением.

И вот в процессе вашего повествования слонам и носорогам становится очень скучно и холодно, а снег уже не кажется столь желанной экзотикой.

Исподволь наведите слушателей на мысль о необходимости организации помещений для обогрева редких животных.

Тут же предложите ряд остроумных конструкций подобных сооружений...

Вы давно вышли на широкую дорогу вашей основной мысли. Продолжайте, углубляясь, уходить в сторону, дабы ещё более уверенно выходить на основную дорогу.

В заключение, резюмируя сказанное, очень хорошо привести какое-нибудь крылатое изречение. К примеру: *Credo, quia absurdum* – «Верую, потому что нелепо». Или: *Solus cum non cogitabuntur agere «Pater noster»* – «Мужчина с женщиной наедине не подумают читать «Отче наш»».

Павильон «У» (Монолог)

– Я строитель. По профессии каменщик. По должности – бригадир. Дело моё – поднимать. Что у меня в ходу? Кирпич, раствор, мастерок, руки. Ну и голова, конечно. Чтобы всем этим толково пользоваться, а бригадой – командовать.

Поднимали мы недавно больницу. С нуля. Работали в три смены. Месяц, другой, третий. Вдруг приказ: снимаем вас с объекта. В чем дело? «А всё, – говорит начальство, – строительство закончено». Как так? «А так, – говорят. – Акты о сдаче объекта подписаны. В свободное от работы время бегите, – говорят, – премиальные получать, пока теплые». – «Но ведь...» – говорим. «Выполняйте приказ, – говорят. – Нам из кабинетов виднее». Приказ есть приказ. Перешли мы на другой объект. Детский садик. Я нет-нет да поинтересуюсь: как, мол, там наша больничка? Небось, стены приёмного покоя снежным мохом от мороза закуржавились? «Нет, – говорят. – Там всё в порядке. Приказано врачам приступить к работе, засучив рукава». Вот так раз, думаю. Какая там работа? Как же это? Вспоминаю: кое-что мы всё же успели. Приёмный покой начали и морг закончили. Морг – тот вообще до полных кондиций был доведён. Современной техникой его напичкали. Транспортёрчики аккуратные, кнопочки цветные. Даже, говорили электрики, маленькая ЭВМ установлена. Сначала думали, что её по ошибке из Голландии завезли. Пока уточняли, штукатуру на ней картошку пекли и рукавицы сушили. Потом выяснилось: предусмотрена проектом. Для чего? Для подсчёта поступающих. Чтобы неразберихи не было, когда заведение на проектную мощность выйдет.

Как же, думаю, они там работают? С одним-то моргом.

Не поленился, поехал как-то взглянуть.

Приезжаю. Вижу на воротах из горбыля надпись «Больница № 40». В ворота заруливает «скорая» с больным. Его в приёмный покой. Записывают в толстую книгу-тетрадь. А тут снег идёт. Хлопьями. Паста в ручке у врача замерзает. Словом, известная наша волокита с оформлением. Наконец врач подходит к больному. Подносит к губам зеркальце. «В павильон «У»?» – спрашивает медперсонал у каталки, от холода да от нетерпения ногами притопывая. «Минуточку, – гундосит врач с синим носом, – только сделаю соответствующую запись». Вот, думаю, дела. Какой ещё такой павильон «У»? Крыши над головой нет. Кругом стены – чуть выше колена. Сами медики, что ли, постарались, пока мы садиком заняты? Интересуюсь. Оказывается павильон «У» – то самое здание, в котором ЭВМ голландская и транспортёрчики аккуратные для поступающих...

Сроду не желал другим зла. Но вот думаю: вот те, которым из кабинетов виднее, вдруг заболеют. Не приведи Господь, а вдруг? Поступят они по скорой в больницу № 40. Что? Думаете, не поедут? А откуда им знать куда их повезут? И потом, вдруг медперсонал машины знает, кого везёт?..

«Суневир», или Наши нравы (Рассказ болельщика)

Так я о болезни. О какой? Наверное, догадываетесь. Да-да, о той самой...

На днях наш «Базальт» принимал курослеповский «Гранит». Календарная встреча.

Народу во дворец набилось! Как семечек в перезрелый огурец.

Началась игра. Болеем за свой «Базальт». Дружно, хором: «Шай-бу!...» Ну и прочие ободряющие напутствия.

Пашут наши клюшками полпериода, а результат нулевой. Уж мы-то помогаем, уж мы-то стараемся.

Вдруг с 15-го ряда трибуны «Б» ка-ак грянет: «Шай-буу!» Да так, что каска с головы центрального первой пятёрки Николая Стулова слетела, просвистела по воздуху и села на голову главному арбитру. Точнёхонько. Тот завертел головой, мол, что такое? Кто нарушил? Сейчас буллит назначу!

И с игроками что-то стряслось. Могучие тренированные ноги стали у них вдруг заплетаться. Как лапша варёная.

Наш «Базальт» чуть раньше пришёл в себя. Всё-таки не зря – родные стены вздрогнули. Словом, втюхали шайбу в ворота «Гранита».

Обрадовались мы. Ликуем.

А с 15-го ряда трибуны «Б» опять богатырское: «Шай-буу!»

И опять: наши – бац! Шайба – в сетке.

И пошло.

«Гранит» сломался. На игроках лица не найти – отсутствует. Катаются, будто под гипнозом. Клюшки по делу и без дела то и дело роняют. А на скамейке запасных переговариваются убитыми голосами: «Ведь что с нами делает. В инвалиды готовит. Не видать нам родного Курослепова. Здесь и ляжем...»

А наши знай себе колотят и колотят. Приустали. Пот с них ручьём. Тут бы остановиться малость, отфукаться, соперника пожалеть. Да где там! Тот Соловей-разбойник с 15-го ряда трибуны «Б» всё не понимает.

Дальше что? А дальше смекалистый Коля Стулов си-ильнейшим щелчком направляет шайбу на трибуну «Б». К зрителям.

Вбросил судья новую. А с 15-го ряда трибуны «Б» – опять несётся. Только не «Шайбу!», а «Ай-у!» Но тоже громко. Так, что у членов судейской коллегии очки с переносиц то и дело на затылок перелетают. А у тех, что за воротами сидят, – лампочки лихорадочным огнём вспыхивают, будто гирлянды на ёлках.

Закончилась игра с фантастическим счетом.

Разошлись мы, поражённые успехом. Словом, не чаем дожидаться утренних газет, чтобы узнать, что всё это нам не приснилось.

А когда опустели наконец трибуны дворца, пошла тётя Шура с метёлочкой и совочком. Убирать следы наших переживаний. Идёт, вдруг слышит – с трибуны «Б» доносится тихо-тихо: «Ай, у-у-у... Ай, у-у-у...»

Она туда. Господи! Мужик. Здоровенный. Сидит и плачет, слезами умывается. «Домой бы шёл. К жене, к деткам. И чего реветь, ежели наши выиграла? Совсем заболелся? Или с пьяни деда с бабкой вспомнил, каких обижаячи на тот свет спровадил?» – бормочет тётя Шура. Подошла она. Нагнулась. «Матушки! – и совок с метёлочкой выронила. – Никак у тебя в роте каблук чей-то?! И кто ж над тобой, болезный, так схулиганничал? Самому-то, поди, и не выга-

щить. Дай, родимый, дай уж помогу... Эх тебя угораздило рот-то раззявить... Да не отберу, не отберу! Вижу теперь, что суневир это...»

Вот так. Не верите? Только я с тётёй Шурой на одной лестничной площадке живу. Она меня и во дворец проводит. Как родственника и помощника.

А про того чудака с трибуны «Б» она ещё так сказала: «Он ведь, болезный, на помощь звал. Кричал, мол, помогите, люди добрые. И никтошеньки не помог. А народу-то было...»

И верно. Народу было! Яблоку некуда упасть. И хоть бы кто помог человеку в беде... Вот ведь какие у нас нравы.

Инструкция по воспитанию детей в процессе выполнения родительских функций

Грустно то, что в процессе выполнения родительских функций, детей необходимо воспитывать.

Почему грустно?

Потому что воспитываешь, воспитываешь и не знаешь: окажутся ли время и энергия, затраченные в этом направлении, стоящими затрат.

Чтобы вам впоследствии не стало печально, предлагаем нашу инструкцию.

Главное – научить ребёнка понимать что такое «хорошо» и что такое «плохо». Что в плохом нет ничего хорошего, а в хорошем нет ничего плохого. Что надо хорошо делать хорошее и очень плохо плохое, если нет возможности не делать его вообще.

К воспитанию приступают сразу же, как только родители убедятся в том, что появление младенца на свет не есть случайное недоразумение, касающееся других лиц. Малейшее промедление в этом отношении чревато опасностью: младенец будет, простите, орать, в то время как родители будут обсуждать наши рекомендации на повышенных тонах; в то самое время, когда ему (младенцу) полагается молчать, коли беседуют старшие.

Молодые родители склонны недооценивать дитятей. А ведь стоит только нечаянно обмолвиться в их присутствии, что поступать плохо легче, чем поступать хорошо, как ребёнок тут же окажется на нехорошей дороге. Он может пойти по ней, уже не жалея обуви. И ваше счастье, если ребёнок не очень внимательно вас слушал. В противном случае завернуть его на хорошую дорогу будет трудно. Даже при содействии дружинников из ОПОПа (Опорный Пункт Охраны Порядка).

Приведём основные признаки воспитанных детей. Настоятельно рекомендуем вам пользоваться ими в своей практике.

Признак воспитанного младенца: таковой младенец не уснёт, пока не убедится в том, что его горшочек накрыт крышечкой и стоит под кроватью.

Признак воспитанного ребёнка: таковой не станет подравнивать усы спящему папе, хотя ножницы лежат на столе, а папа спит крепко.

Признак невоспитанного младенца: таковой, схватив за нос одного из родителей, заливается громким смехом, совершенно не задумываясь над тем, насколько смешным это может показаться самому родителю.

Признак невоспитанного ребёнка: таковой, вместо того чтобы взять тяжёлую сумку из рук матери, помогает ей лишь переложить её из одной руки в другую.

Со временем младенцы и ребёнки перерастают своих родителей. Но почему-то при этом остаются для последних дитятейми. Выходит, что никакой преклонный возраст не позволяет родителям считать выполненной до конца задачу по воспитанию отпрысков.

Поясним на примере. Ваш сын выше вас на целую голову. Вот-вот станет «дяденькой достань воробышка». У него уже нехорошая привычка брать без спроса ваши сигареты.

Однажды вы видите в окно, что ваше чадо почему-то ведёт под руку девушку, даже не являющуюся его сестрой. Тут, конечно, можно выскочить на улицу. Можно подбежать к ним со строгим лицом, размахивая Законодательством о браке и семье. Можно коршуном наброситься на обоих, напоминая им, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Но правильнее всё же, на наш взгляд, остаться дома и понаблюдать: что из этого получится?

Ежели получатся внуки со внучками, то не отчаивайтесь. Вооружившись нашей инструкцией, снова за дело. За дело воспитания. Теперь у вас есть опыт.

Если и этот опыт пройдёт успешно, то в один прекрасный день ваш внук или внучка, наливая вам в стакан портвейн, скажет: *Gaudeamus igitur juvenes dum sumus* – «Будем веселиться, пока мы молоды». Надеемся, у вас хватит здравого смысла согласиться с этой мыслью.

2. Фразы для служебного пользования

- Я не люблю весну.
- Что вы говорите?! Весной так хорошо! Солнышко светит, птички начинают петь...
- Начинается брожение в природе, и плохие мужья уходят от хороших жён.

- Папа, если захотеть, можно до луны допрыгнуть?
- Трудно, сынок.
- А если очень-очень захотеть?
- Ну если очень...
- А если промахнёшься – и мимо?
- Ну что ж, полетишь назад.
- И ты меня поймаешь?!
- Если ещё будешь приставать – не поймаю.

Когда судьба приходила за ним, его не было дома.

Наполеону было легче – ему помогал случай.

- Вы знаете, что такое человек не от мира сего?
- Это такой идиот, который даже не знает, что попросить у золотой рыбки, если она к нему выплывет.

Ребёнок капризничал. Отказывался от птичьего молока и требовал горькой редьки.

- Надя, если вы скажете «нет» – котёл моей страсти взорвётся. Учтите, в нём очень высокое давление...

Жара

Жара. Такая, что и у мух затемнение мозгов: никакой шустрости полёта. Зачем летят? Куда? Машут крылышками, спустя рукава.

И у людей в головах чёрт-те что. Вот смотрю обалдело на муху и думаю: «Такое махонькое существо, а надо же – парить умеет».

– Ведь сейчас заснёшь, на пол рухнешь со стула, – сердито толкает меня Витька. – Кидаем кости. Пора.

А так неохота уходить из прохладной комнаты. Но надо.

Выходим.

Ещё издали видим в окне первого этажа: Витькин батя выглядывает. Рядом – дружки-приятели. Почти вся бригада слесарей. Машут нам. Кто – трёпанным рублишком, кто бренчит монетами под названием «серебро».

Здороваемся. У нас голоса – ничего, а у них – совсем севшие от этой жары.

Пересчитываем деньги, прихватываем чей-то не то баул, не то кейс и – в гастроном. Благо недалеко.

Обратно летим не так лихо. В бауле позвякивает бутылочно-освежающе.

Витька для бодрости треплется:

– Давай как-нибудь в этом бауле заводскую трубу унесём. Спихватятся, вот смеху-то будет!

– Несунами обзывать станут, – говорю. – Потом отмойся от такого некрасивого штампа.

– Ладно, уговорил. Не будем пошлыми ярлыками обзаводиться, – с нервной улыбкой соглашается Витька.

Тут занервничает. Проходная рядом с окнами токарного. Там сидит хмурый мужичок с пушчонкой на ремне. Приходится соблюдать осторожность. Работаем чётко, как минёры. Который день.

А вчера влипли. Пока мы работали, как минёры, охрана работала, как оперативная группа захвата: расставляла сети. Откуда нам было знать? Да и жара эта чёртова. Всякая бдительность притупляется и тает.

Короче, попались мы с Витькой в вахтёрские хитросплетённые сети, как две одуревшие мухи.

Через неделю приходит директору нашего училища бумага от директора завода, на котором Витькин батя токарит. Мы как узнали про телегу, решили: крышка. Выпрут обоих. Ведь когда они нас повязали с поличным, то наши стеклянные улики ощупывали, обнюхивали, на свет рассматривали. Даже слово «квас» на этикетках из-за этой жары чёртовой пытались прочесть наоборот. Чтобы, значит, получилось «водка». Шуму-то было! Начали пробовать. Перепробовали все до единой стеклоединицы. Но тут у них шёл прокол за проколом. Словом, отпустили нас, а сами остались с перекошенными физиями, будто перестоявшего кваса набрались.

Из той бумаги стало ясно, что мы с Витькой, оказывается, ребята паиньки. Только чихали мы на тёплые слова директорского «спасибо». Почему? А потому, что в конце бумаги было сказано: что же касается цехового газировального автомата, то надеемся, что смежники нас не подведут и в начале будущего квартала он будет капитально отремонтирован и введён в строй».

– Это когда же он войдёт в строй? – возмутился Витька. – Когда холода хряпнут?!

– Да ладно тебе, – говорю. – Это в голове у директора токарный автомат с газировальным перемешались. Отчего – смекаешь?

– Шут его знает отчего!

– А ты взгляни в окно. Взгляни незамутнённым взором.

- Иди ты в болото!
- Взгляни, тебе говорят!
- Ну?!
- Чуешь? Жарища...
- Верно, – вздохнул Витька. – В такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выпустит.
- То-то и оно, Витька. Пора кидать кости...

Лекционы-моционы

Монолог

– Ты мне, охламон, зубы не заговаривай! Ты мне объясни: что творится в твоём дневнике?! Кол, пара, кол, пара... Пара, пара, пара! Упреть можно! У Витьки Семёнова тоже? А мне плевать с седьмого этажа на твоего Семёнова! Не городи – сам учился. Была у меня одна. Учительша. Всё мыло варила – новое изобретала. Химичка. Мало, видите ли, было ей «Банного». Ассортимент ушляла. Не помню, что уж там получилось из того шила-мыла, только от этой изобретательницы в классе косяными копытами в нос шибало. Так я к чему эти лекционы-моционы провожу?! Не знаешь? Ведь ты же, обормот, растёшь у меня! Ещё как прёшь! Как гриб в тёплый дождь. Вот именно. А тебе бойцом надо расти! Каким? Вот вырастешь. Прилепишься к зарплате: получка – аванс, аванс – получка. Зарплата, может, будет окладистая, хорошая, а тебя р-раз и – отщёрли! Тебя р-раз и – на корпус! Тебя р-раз и – клюшкой по рогам! А ты? Сдачи дашь? Какой там сдачи! Сопли по ветру распустишь! Ведь у тебя мозги не работают! Работают?! А ну-ка, ну-ка, скажи. Скажи мне: какая земля? Ну? Круглая? Круглая... Дурак! Ты что – проверял?! Да, может, она плоская, как блин! Колумб... Ты этого зануду Колумба хоть раз в телевизоре видел?! Как покажут? Так... То-то и оно, что не покажут... Вот и надо свои мозги иметь. И чтобы они ворочались в сторону соображения. Я к чему эти лекционы-моционы провожу, здоровье своё на тебя трачу? Усекай: ты заведи ещё один. И чтоб в нём только положительные отметки были. Одна к одной, как ягодки! Чтоб я мог душой отдохнуть, глядя на эти твои показатели. Что?! Пятёрки тебе не ставят? Полюбуйтесь на этого остолопа – пятёрки ему не ставят... Да ты нарисуй их! Пятёрки-то! Нарисуй! А за подписи, за эту самую... как её... каллиграфию строже строгого буду спрашивать... И чтоб вот этот – с колами и лебедями, с этой красной мазнёй – мне на глаза больше не попадался! Усёк?! То-то...

Инструкция по выгуливанию домашних животных

Чаще всего животное, выведенное на прогулку, моментально забывается, начинает вести себя развязно и совсем не так, как вы учили. Подобное состояние животного называется ошалелостью. Ошалелость прямо пропорциональна отрезку времени, проведённому животным в четырёх стенах.

Итак, посредством поводка животное мчит вас по лестнице вниз. Советуем свободной рукой придерживать на бегу очки, ибо первый признак ошалелости налицо.

Вы на улице. Оглянитесь по сторонам: не оказались ли вы уже в незнакомом районе города.

Всё в порядке? Ориентируетесь? Ну чудесно!

Теперь бегом, бегом к ближайшему стенду наглядной агитации...

Никто из учёных так до сих пор и не удосужился найти объяснение этому феномену, но факт остаётся фактом. Вы, конечно, давно обратили внимание, что животные предпочитают делать свои дела (большие и малые) у каких-нибудь стендов и плакатов. И чем серьёзнее содержание художественно оформленной агитации, тем энергичнее стремится к такому стенду ваше животное. Можно подумать, что оно там хоть и по складам, но что-то такое вычитывает важное для себя. Удивительно! Ещё удивительнее, что самые обожаемые ими стенды-плакаты начинаются словом «Слава». Так что обилие у нас этих стендов объясняется, пожалуй, горячей любовью хозяев к своим питомцам. В том числе и вашей любовью. Это вы, идя на поводу своего горячего чувства, решительно преодолеваете бюрократические рогатки, добиваясь, чтобы в каждом районе росло (из месяца в месяц, из года в год) число стендов с наглядной агитацией. Слава вам!

Вернёмся на землю.

Основные дела сделаны. Теперь, собственно, начинается гулянье.

Если ваше животное, будучи в игривом настроении, как бы между прочим, всего лишь одним глазком, заглядывает под хвост другого выгуливаемого животного, пусть даже вам и не знакомого, – не препятствуйте. У животных это в порядке вещей, они всегда снюхаются. Более того, рекомендуем представиться хозяину того, другого животного. Даже если у того хозяина черепаха на поводке и вам кажется, что гусь свинье не товарищ. Всё-таки представьтесь – хотя бы затем, чтобы у животных создалось приятное впечатление о тех, кто их опекает. Мол, и мы, хотя мы люди, при необходимости умеем снюхиваться.

Гулянье подходит к концу.

Возвращаться домой рекомендуем не ранее того, как ваши щеки осчастливит здоровый румянец.

3. Фразы для служебного пользования

На такой большой коллектив нашей фабрики вы предлагаете создать один квартет. Да что мы, нищие?!

Тонкое плечико меланхолии.

– А это мы измерим крайними мерами.

Очередной выпуск градоначальников.

Он захребетник, но очаровашка.

Кингстоны пессимизма.

– Можно мне вместо пожелания вам удачи, послать вас к чёрту?

– Нельзя.

– Ну извините.

Как сейчас помню, мое вынужденное одиночество скрашивал Уголовный кодекс в пяти томах.

Ах, жаль, что вы не музыкант, а то сыграли бы что-нибудь из Паганини.

Ограбленные корсары.

Кильватерная колонна сослуживцев.

Заяц бегаёт кругами, и знаете как быстро? Ему, чтобы остановиться, приходится три круга лишних сделать.

Пассажир с собакой

Очередь у кассы Аэрофлота длинна, как жизнь горца. К счастью, мой герой Тюфяков Павел Романович, человек в годах, стоит с краю.

Коварное это понятие – с краю. Так я добавлю: с переднего.

Герою жарко, он вспотел, он тяжело отдувается. При каждом его энергичном выдохе белые мягкие, пушистые усы взлетают, как юбочка выпускницы на школьном балу.

Тюфяков то и дело раскрывает свой бумажник, роется там, достаёт всякие бумажки. Разворачивает их и снова сворачивает. Тасуя содержимое бумажника, время от времени бросает взволнованный взгляд на портфель, пару коробок и три свёртка, сваленные кучкой здесь же неподалёку.

– Скоро ли там? – вопрошает Павел Романович тихим шёпотом впереди стоящую спину.

А впереди стоящая спина залезла по самые плечи в окошко к девушке и учит её, как написать на билете его фамилию:

– Худо-до-ев, – говорит он, уже красный от напряжения.

– Худо-ев? – спрашивает кассирша, тоже красная от неудачи.

– «До», пропустили, «до!...»

– Ху-до-до-доев?

– Да нет! Всего два раза «до». Вслушайтесь: Ху-до-до-ев!..

С грехом пополам человек с этой фамилией отцепился от кассирши. Кассирша вздохнула, словно вынырнула из-под воды, проторчав на глубине минут десять без маски.

– Теперь мне билетик. У меня проще. Тю-фя-ков, – прошептал Павел Романович и зачем-то приподнял шляпу в дырочках, будто собирался знакомиться. Девушка не заметила этого жеста, она только слышала.

– Тюфяков, – вывела она на билете и улыбнулась, потому что действительно этот случай был лёгким и воспринимался ею как отдых.

Вдруг Павел Романович весь покачнулся.

– Девушка, у меня собачка, щенок породы фокстерьер. Я её могу в кармане провезти...

– То есть как в кармане провезти?! – удивилась девушка. – А билет?

– На собачку билет?! Да она, да она... с ваш кулачок будет! Ещё от соски не отучена!

– Документы о здоровье животного есть?

– Есть! Есть! Вот и родословная – полюбуйте. Может, без билетика обойдёмся?

– Ни в коем случае! Платите.

– Ну ладно. Теперь-то я могу её в кармане провезти?

– Зачем вам мучиться? Билет на животное вы взяли. Теперь пройдите по коридору прямо и налево. Там ваше животное упакуют в специальную клетку.

– Ну и ну!.. – удивился Тюфяков. Забыв про портфель, коробки, свёртки, он побежал в указанном направлении.

Вскоре он вернулся. Растолкал, как сумел, толпящихся у знакомого окошка. Всунулся.

– Девушка, да там же клетки – телка с кабаном упаковать можно! Как же я своего щенка в ней оставлю?! Да ведь он вывалится промеж прутьев.

– Так ведь не на землю упадёт! Тут же в самолёте и останется.

– Так-то оно так, да его этой клеткой на повороте придавить может! А потом, вдруг быка погрузят! Он раздавит ещё чего доброго...

– Ну, гражданин, не знаю! Поступайте, как сами знаете...

Толпёшка, как только услышала эти слова кассирши, так сразу и отшила Тюфякова в сторону. Далеко отшила. Так, что он едва разглядел свой портфель, коробки и свёртки.

А получилось так. Самолёт взлетел. Тюфяков – в нём. На своём месте. Летит, куда надо. Держит руку в кармане пиджака. Там – щенок. Сосёт хозяйский указательный палец. Скулить он не может, хотя ничего не высасывает из пальца.

К Тюфякову подходит стюардесса.

– Вы Тюфяков?

– Я.

– А почему клетку до сих пор не занимаете? Она числится за вами, и мы не имеем права допускать, чтобы она пустовала. Где ваше животное?

– Да у меня щенок. С ваш кулачок. Фокстерьер...

– Мне всё равно. Занимайте клетку. Вы её оплатили, и в полёте она не может пустовать. Не положено.

– Так что же мне, прикажете туда самому залезать, что ли?..

– Это меня мало интересует. В противном случае мы будем вынуждены высадить вас.

По пути...

– Ну ладно, ладно... Пойду я туда. Там, наверно, сквозняк, так я щенка здесь оставлю. Можно?

– Пускай, только чтоб он не мешал проведению полёта.

Тюфяков вытащил из кармана щенка. Положил его на своё сиденье, накрыл своей шляпой, предварительно сунув под неё бутылочку молока с соской, а сам пошёл в грузовой отсек.

Не успел он закрыть за собой ржавеющую дверь клетки, как появилась всё та же стюардесса. Она брезгливо, отставив руку далеко в сторону, двумя пальчиками держала раздувшийся бумажный пакет.

Дно пакета было мокрым.

– Вот возьмите. Это ваше животное. Я борюсь за чистоту и порядок в салоне, а теперь мне придётся истратить флакон личных духов, потому что уже поступили жалобы на запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.